

проникнуться духом далекой эпохи, чтобы создавать объективный образ переводимого поэта и передавать стиль избранного образца.

Говоря об антологической поэзии, развивавшейся в XIX в., Белинский писал: «У эллинской поэзии заимствует она и краски, и тени, и звуки, и образы, и формы, даже иногда самое содержание. Впрочем, ее отнюдь не должно почитать подражанием... Когда поэт проникается духом какого-нибудь чуждого ему народа, чуждой страны, чуждого века, он без всякого усилия, легко и свободно творит в духе того народа, той страны или того века».⁶⁹

Державинские антологические стихи, проникнутые «эллинским духом», в известной мере способствовали в русских условиях формированию исторического мышления, были моментом в процессе выработки историзма русскими писателями, непосредственно предшествовали опытам Батюшкова, Карамзина (как автора «Истории государства Российского»), Пушкина.

Как образцы «живого сочувствия к древнему миру» и проникновения в художественный мир древней Греции Белинский приводил две анакреонтические пьесы — «Победа красоты» и «Рождение красоты». В обеих «песнях» была развернута Анакреонова мысль о могуществе красоты, выражавшей важную особенность античного мирозерцания. Но стихи эти глубоко оригинальны, Державин, по мысли Белинского, самостоятелен в художественном воплощении античных сюжетов.

Большая часть антологических стихотворений Державина посвящена изображению русской жизни, русских обычаев, раскрытию поэзии жизни обыкновенной. Обобщая опыт русской антологии, Белинский писал: «Содержание антологических стихотворений может браться из всех сфер жизни, а не из одной греческой: только тон и форма их должны быть запечатлены эллинским духом».⁷⁰

«Эллинский дух» анакреонтических песен на русские темы проявлялся в близости их к сюжетам од Анакреона, к вариациям анакреонтических любовных мотивов, в ироническом описании «похождений» мифологических богов на русской земле, в изяществе, лаконизме и артистизме формы, в общем шутливом тоне рассказа. Так написан, например, «Фальконетов Купидон».

Державин сознательно в описаниях русской жизни использует античные и фольклорные мотивы, греческую и русскую мифологию (Амур, Лель). Это сочетание античного и русского получает свое теоретическое объяснение и в авторских комментариях к анакреонтическим песням: поэт стремится подобным сближением подчеркнуть общее народное фольклорное начало каждой национальной поэзии. Шуточная манера рассказа также часто восходила к сказкам и песням, откуда поэт черпал и образы, и поэтическую лексику, и лукавую манеру изъяснять свою мысль («Охотник», «Шуточное желание», «Русские девушки» и др.).

⁶⁹ Там же, с. 231.

⁷⁰ Там же, с. 258.